УДК 82.03; 82:81'255.2

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД РОМАНА ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ 1930-Х ГГ.

© 2013 С.Н. Степура

Томский государственный университет

Томский политехнический университет

Поступила в редакцию 23 ноября 2012 г.

Аннотация: *Впервые исследуется специфика перевода романа Джеймса Джойса «Улисс», осуществленного в 1930-х гг. коллективом Первого переводческого объединения под руководством И.А. Кашкина на материале первого эпизода. Перевод эпизода изучается в аспекте его соответствия сложному замыслу автора, разъясненному им в специальных схемах романа.*

Ключевые слова: *Дж. Джойс, роман «Улисс», перевод, И. А. Кашкин*

Abstract: *For the first time the specificity of the translation of the James Joyce novel «Ulysses» that had been implemented in 1930s by the team of the first translational association under the direction of I.A. Kashkin is being investigated. The material of the analysis is the first episode. Its translation is being studied in the aspect of its compliance with the complex design of the author which had been explained by him in special schemes of the novel.*

Key words: *James Joyce, «Ulysses», translation, I.A. Kashkin*

Роман Джеймса Джойса «Улисс», опубликованный в Париже в 1922 г., состоит из восемнадцати эпизодов, каждый из которых восходит к определенному эпизоду «Одиссеи» Гомера. Работая над романом, Джойс составил две его схемы. Первая была сделана еще до окончания работы над романом, вторая – одновременно с окончанием романа. В своем письме от 21 сентября 1920 г. Джойс пишет следующее: «As to Mr. Dessy's suggestion I think that in view of the enormous bulk and the more than enormous complexity of my damned monster-novel it would be better to send him a sort of summary – key – skeleton – scheme (for home use only) ... <>. It is the epic of two races (Israel-Ireland) and at the same time <> a little story of a day (life)» – «Что касается предложения м-ра Дэззи, я думаю, что, ввиду большого объема и еще большей сложности моего проклятого романа-монстра, было бы неплохо отправить ему что-то вроде конспекта – ключа – наброска – схемы (только для личного пользования) ... <>. Это эпическая поэма о двух народах (Израиль-Ирландия) и, в то же самое время <> описание дня (жизни)» (перевод мой. – *С. С.*) [1, 271]. Это письмо Джойса было адресовано Карло Линати, другу и переводчику его пьесы «Изгнанники» на итальянский язык. Поэтому данную первую схему, составленную приблизительно в 1920 г., называют схемой Линати. Согласно А.Н. Фаргноли и М.П. Джиллеспи, вторая схема была вручена Джойсом Валери Ларбо в 1921 г. для подготовки публичной лекции о романе «Улисс». На протяжении 1920-х гг. данная схема распространялась среди самых близких друзей Джойса. Валери Ларбо, вместе с Огюстом Морелем и Стюартом Гилбертом, принял активное участие во французском переводе «Улисса», опубликованном в 1929 г. [2]. А.Н. Фаргноли и М.П. Джиллеспи также указывают на то, что участие Стюарта Гилберта в переводе «Улисса» подтолкнуло его к написанию специального исследования романа, которое создавалось под руководством самого Джойса. В 1930 г. Стюарт Гилберт опубликовал книгу «James Joyce's Ulysses», в которой предлагался анализ каждого эпизода романа, и в ней была подчеркнута важность использования поэмы Гомера в качестве структурного каркаса романа «Улисс» [2]. Эдмунд Уилсон в своем труде «James Joyce» также утверждает, что значение персонажей и эпизодов в романе «Улисс» не могут быть поняты надлежащим образом без опоры на Гомера [3]. Седрик Уоттс во введении к изданию «Улисса» на английском языке подчеркивает, что Джойс созданными им схемами сознательно помогает прояснить смысл событий романа, указывая, что каждый его эпизод имеет не только четкое соотношение с Гомером, но определяется также и специальными смысловыми доминантами: это фиксированное место и время действия, вид науки или искусства, цвет, символ и пр. [4].

© С.Н. Степура, 2013

В 1935–1936 гг. в журнале «Интернациональная литература» (Москва) были опубликованы первые десять эпизодов «Улисса». Их перевод был осуществлен Первым переводческим объединением И.А. Кашкина, куда входили такие известные мастера слова, как И. Романович, Л. Кислова, А. Елонская, В. Топер, Н. Волжина, Е. Калашникова, Н. Дарузес, О. Холмская. (В 1937 г. работа над переводом романа была остановлена.) Перевод «Улисса», выполненный «кашкинцами», представляет особый научный интерес, поскольку это была первая попытка целостного перевода романа на русский язык, осуществленная непосредственно в эпоху его создания, в эпоху Джеймса Джойса, т. е. в эпоху, известную таким направлением в искусстве и литературе, как модернизм. Эстетической установкой модернизма был разрыв с предшествующим историческим опытом, а целью его было утверждение новых начал в искусстве, которые выражались, в том числе, в структурных и лингвистических экспериментах. Таким образом, перед первыми переводчиками «Улисса» стояла трудная задача – работа со сверхсложным произведением модернизма.

В переводческой деятельности 1930–1940-х гг. наблюдались два противоположных подхода: буквальный и творческий. Для буквального подхода было важно соблюдение всех элементов формы оригинала, для творческого – воссоздание образа оригинала [5]. Определить направление, в котором «кашкинцы» работали над переводом, представляется предельно важным, в том числе для воссоздания целостной картины развития перевода и переводоведения в России в XX веке. Но, несмотря на это, перевод романа «Улисс» до сих пор не был предметом специального изучения.

Очевидна особая значимость первого эпизода как начала «Улисса»: в нем представлены те основные мотивы и образы, которые будут развиваться далее на всем протяжении романа. Цель данной работы – анализ перевода первого эпизода романа «Улисс», выполненного И.К. Романовичем, в аспекте его соответствия замыслу Джойса, разъясненному в схемах романа.

Ввиду опоры Джойса на «Одиссею» Гомера, каждый эпизод «Улисса» имеет неформальное название. Название первого эпизода – «Телемах». Одновременно данный эпизод является первой главой т. н. «Телемахиды», состоящей из трех глав и посвященной Телемаху, т. е. Стивену Дедалусу.

Параллели между Стивеном Дедалусом и сыном Одиссея Телемахом приводят к тому, что основным символом эпизода становится «наследник». В свою очередь, ложный друг Стивена Бак Маллиган соотнесен с Антиноем. Так с самого начала в романе формируются мотивы, которые будут развиваться на протяжении всего «Улисса», и наиболее важные из них – это тема потерянного отца и образ ключа (кто станет хозяином Башни).

Наука в первом эпизоде представлена теологией. Теология пронизывает всю главу: это и неуверенность Стивена относительно своего отношения к церкви и Богу, и богохульство Маллигана, и др.

Все события романа происходят 16 июня 1904 года; первый эпизод начинается в 8 часов утра. Место действия – Башня Мартелло в пригороде Дублина – Сэндикове. Стивен Дедалус только что проснулся. Он живет в Башне, которую снимает вместе со студентом-медиком Баком Маллиганом и англичанином Гэйнсом, который приехал в Ирландию изучать фольклор.

Душевное состояние Стивена, около года назад потерявшего мать, определяется бессознательными поисками духовного отца (его биологический отец жив). Но Стивен пассивен, не проявляет активности, и это подчеркивается тем, что именно Бак Маллиган начинает действие романа, уговаривая Стивена принять «прагматичную, менее открытую программу интеллектуального бунта» [2, 165-166].

Тем не менее, Стивен намеревается покинуть Башню и именно это, по мысли Джойса, позволяет соотнести его с Телемахом. Телемах у Гомера решает оставить Итаку, чтобы найти своего давно пропавшего отца Одиссея, в надежде, что вместе они смогут выгнать женихов, преследующих его мать Пенелопу и разрушающих их королевство.

У Джойса Стивен Дедалус – Телемах чувствует, что его выживают из Башни Гэйнс и Маллиган; в конце главы он называет Маллигана «узурпатором» [6, 296]. Антиной – один из женихов Пенелопы, самый знатный и самый наглый из них. Джойс использует соответствия Маллиган – Антиной и Стивен – Телемах для создания ситуации, в которой дружеские отношения между Стивеном и Маллиганом невозможны. С самого начала романа Маллиган ведет себя со Стивеном грубо, высмеивает его греческое имя и постоянно напоминает ему об его отказе от молитвы у постели умирающей матери. Так Маллиган увеличивает то чувство вины, которое будет мучить Стивена на протяжении всего романа: «You could have knelt down, damn it, Kinch, when your dying mother asked you, Buck Mulligan said. I'm **hyperborean** as much as you. But to think of your mother begging you with her last breath to kneel down and pray for her. And you refused. There is something sinister in you...» [7, 5].

Дословно: Ты мог бы стать на колени, черт побери, Кинч, когда твоя умирающая мать просила тебя, Бак Маллиган сказал. Я гипербореец/северянин/сверхчеловек, как и ты. Но думать

о твоей матери, просящей тебя на последнем вздохе опуститься на колени и помолиться за нее. И ты отказался. В тебе есть что-то зловещее...

Перевод И.К. Романовича: «Черт возьми, Кинч, неужели ты не мог стать на колени, когда умирающая мать просила тебя? – сказал Бак Маллиган. – Я такой же **гипербореец**, как и ты. Но когда подумаешь о матери, и о последней просьбе ее встать на колени и помолиться за нее... А ты отказался. Есть в тебе что-то недоброе, Кинч» [6, 279].

Слово «hyperborean» означает «северный», «северянин». Так Бак Маллиган называет себя и Стивена, пытаясь показать их сходство между собой и, тем самым, скрыть свое истинное отношение к Стивену. Однако, маловероятно, что в данном контексте имеется в виду именно значение «северный». В своих комментариях С.С. Хоружий пишет следующее: «В первоначальном смысле *гиперборейцы* – народ, обитавший, по греческим мифам, «за пределами Борея» (северного ветра) и, стало быть, в краю вечной весны и благоденствия. Однако Ницше в «Антихристианине» (1895), истолковав «гиперборейский» как «ультранордический», назвал гиперборейцем своего «сверхчеловека», поставившего себя выше традиционной христианской морали. Разумеется, у Маллигана – второй смысл» [8, 790]. Перевод слова «hyperborean» как «гипербореец» не доносит до читателя этого смысла.

Но в конце эпизода Маллиган вновь называет себя и Стивена одним словом на двух языках: это немецкое «Uebermensch» и английское «supermen», что означает «сверхчеловек»: «My twelfth rib is gone, he cried. I'm the Uebermensch. Toothless Kinch and I, the supermen» [7, 21].

Дословно: Моего двенадцатого ребра больше нет, он закричал. Я супермен. Беззубый Кинч и я супермены.

И.К. Романович: «Мое двенадцатое ребро исчезло. Я сверхчеловек. Мы с беззубым Кинчем – сверхчеловеки» [6, 296]. Отсутствие двенадцатого ребра указывает на Адама, первого человека на земле. Из этого ребра была сотворена Ева. Подобным сравнением Маллиган в очередной раз стремится доказать свою и Стивена уникальность.

Использование в переводе слова «сверхчеловек», а также перевод библейской аллюзии выполняют необходимую функцию – повторяют и подтверждают заявленную Маллиганом идею о том, что он и Стивен – гиперборейцы, т. е. сверхчеловеки. Таким образом, Романович доносит до читателя мысль о том, что Маллиган стремится доказать, что Стивен от него ничем не отличается.

На самом же деле, Маллиган и Стивен противопоставлены друг другу, и это противопоставление организует первый эпизод в целом: Антиной против Телемаха, циник против идеалиста, ученый против художника.

Противопоставление Маллигана и Стивена реализуется с помощью многочисленных религиозных символов. В качестве примера можно указать на роль Маллигана как ложного священника.

Цитата из псалма, произнесенная им на латыни с верхней площадки лестницы: «Introibo ad altare Dei» («Войду в алтарь Господень») воспроизводит традиционную католическую мессу времени Джойса, в которой священник в самом начале службы поднимается на несколько ступенек вверх. Джойс здесь отводит Маллигану роль первосвященника, ставя тем самым Стивена в подчиненное положение. Эта аллюзия напоминает церемонию причастия, она же говорит и о том, что даже свободный студент медик, несмотря на свое богохульство, не может избавиться от влияния богословия: «Solemnly he came forward and mounted the round ***gunrest***. He faced about and blessed gravely thrice the tower, the surrounding country and the awaking mountains» [7, 3].

Дословно: Важно он прошел вперед и поднялся на круглую площадку для оружия. Он обернулся и благословил серьезно трижды башню, окружающую местность/территорию и пробуждающиеся горы.

И.К. Романович: «Торжественно прошел он вперед и поднялся на круглую ***площадку***. Повернувшись, он с серьезным видом трижды благословил башню, окрестный берег и пробуждающиеся горы» [6, 277].

По всей видимости, слово «gunrest» было образовано самим Джойсом путем соединения двух слов в одно: «gun rest» – опора, подставка, стойка или площадка для оружия на башне или деревянном судне. Авторское существительное «gunrest» свидетельствует о напряженной ситуации и о необходимости защиты уже на самой первой странице романа. Идея о необходимости защиты поддерживается также тем историческим фактом, что изображаемая здесь башня, артиллерийские башни Мартелло были построены по всему побережью Ирландии с целью защиты от возможного вторжения Наполеона, в частности ее площадка сравнивается с высоким местом в церкви, которое занимает священник. Его изображает Маллиган-Атиной, представляющий собой скрытую угрозу для Стивена.

В переводе дано только существительное «площадка», в русском языке нет слова, равнозначного «gunrest». Возможно, для переводчика информация о том, что площадка башни была предназначена для защиты и связана с оружием, не имела смысла. В этом случае, русский перевод упрощает предполагаемый смысл, заложенный в существительное «gunrest».

Также немаловажным является цвет этого эпизода, заявленный Джойсом в его схемах. Данному эпизоду, по мысли писателя, соответствуют цвета белый и золотой. Выбор такой цветовой гаммы неслучаен. Во время литургии, на которой совершается таинство евхаристии, священнослужители облачены в одежды с элементами белого и золотого. Эти цвета использованы при описании внешности Маллигана: «his even white teeth glistening here and there with gold points» [7, 3].

Дословно: Его ровные белые зубы блестели тут и там золотыми точками.

И.К. Романович: «Золотые коронки поблескивали на его ровных белых зубах» [6, 277]. В оригинале отсутствует прямое упоминание о коронках Маллигана, в переводе же появляется слово «коронки», что является свободной интерпретацией оригинального текста. Но цвета, сопутствующие эпизоду, белый и золотой, сохранены.

Религиозным символом предстает также чаша для бритья Маллигана, которая соответствует, в данном случае, чаше для причастия. Когда Маллиган закончил бриться и пошел готовить завтрак, Стивен на некоторое время остается один, наедине с самим собой. При этом он обращает внимание на оставленную чашку для бритья и сравнивает ее с «корабликом» для ладана. Относя чашу для бритья вниз, Стивен исполняет роль прислужника в процедуре причастия: «The nickel shavingbowl shone, forgotten, on the parapet. Why should I bring it down? Or leave it there all day, forgotten friendship? <>. So I carried the **boat of incense** then at Clongowes. I am another now and yet the same. A servant too. A server of a servant» [7, 11].

Дословно: Никелированная чаша для бритья блестела, забытая, на парапете. Почему я должен нести ее вниз? Или оставить ее здесь на весь день, забытую дружбу? <>. Так я носил **корытце с ладаном/кораблик** тогда в Клонгаусе. Я другой теперь и все тот же. Слуга тоже. Прислужник слуги.

И.К. Романович: «Никелированная чашка для бритья блестит, забытая на парапете. Почему я должен нести ее вниз? Может быть, оставить ее здесь, забытую дружбу? <>. Так носил я **кадило** в Клонгаусе. Теперь я другой, но я все тот же. И тоже служка. Прислужник служки» [6, 285].

Рассмотрим словосочетание «boat of incense», где существительное «boat» имеет значения «корытце», «лодка», «желобок», а существительное «incense» – «ладан», «фимиам». И.К. Романович использует слово «кадило», которое является для перевода этого словосочетания нейтральным (и соответствует, скорее, реалиям православной церкви), однако у Джойса все намного острее. Тот факт, что Стивен осознанно относит «кораблик» – «boat of incense» – вниз, говорит о том, что он по-прежнему ощущает себя служкой и никакие другие действия пока выполнять не способен.

Стивен не верит в традиционный католицизм, но он не способен выносить богохульство Маллигана: «What have you against me now? <>. What did I said? I forget. – You said, Stephen answered, *O, it's only Dedalus whose mother is* ***beastly dead***» [7, 7-8].

Дословно: Что ты имеешь против меня сейчас? <>. Что я сказал? Я забыл. – Ты сказал, Стивен ответил, *О, это только Дедалус, чья мать* ***зверски (отвратительно, безобразно) мертва.***

И.К. Романович: «За что ты на меня злишься? <>. Ну и что же я сказал? Не помню. – Ты сказал, – ответил Стефен: – «О, это всего только Дедалус, у которого **подохла мать**» [6, 282-283].

В вопросе Маллигана «What have you against me now?», который буквально можно перевести следующим образом: «Что ты имеешь против меня сейчас?» И. Романович использует глагол, отсутствующий в оригинале – «злиться»: «За что ты на меня злишься?». Причин сердиться на Маллигана много, так как он старается задеть Стивена всеми доступными ему средствами. Согласно Д.В. Дмитриеву, глагол «злиться» обычно употребляется, когда говорящий сердит, недоволен чем-либо или кем-либо или испытывает неприятные эмоции по отношению к чему–либо или кому-либо [9]. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова следующим образом дополняет значение глагола «злиться»: испытывать злость и раздражение с примесью злобы [10]. Т.Ф. Ефремова так определяет значение слова «злоба»: это чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-либо.

В словаре синонимов рядом со словом «злоба» стоят существительные «зло» и «желчь» [11]. С болезнью матери Стивена связан, в частности, часто используемый автором мотив желчи. Стивен сердит, прежде всего, на самого себя, он испытывает неприятные эмоции, вспоминая о том, что не помолился об умирающей матери, когда она просила его об этом. Поэтому суть вопроса Маллигана следующая: за что ты злишься на меня, ты сам виноват. Таким образом, И.К. Романович своим использованием глагола «злиться» не уходит от авторского смысла, более того, делает его шире в контексте всего эпизода и даже романа в целом.

Следующее предложение «O, it's only Dedalus whose mother is beastly dead» особенно сложно перевести. Трудность заключается в словосочетании «beastly dead», где «beastly» как прилагательное имеет такие значения как «зверский», «ужасный», «гадкий», «животный», «непристойный». Но, скорее всего, в данном случае это наречие со следующими значениями: «ужасно», «отвратительно», «безобразно». Прилагательное «dead» переводится

как «мертвый», «дохлый», «неподвижный» и т. д. Словосочетание «зверски/безобразно мертвый» не является нормой для русского языка. Поэтому переводчик использует другой ход: заменяет прилагательное «мертвый» глаголом «подохла». С помощью нейтрального глагола «умирать» нельзя передать то, что говорит Маллиган о матери Стивена. Романович использует слово с ярко выраженной экспрессивной окраской: «О, это всего только Дедалус, у которого **подохла мать**».

Но «зверски мертва» может означать и «мертва как зверь», т. е. смерть без молитвы, без надежды на вечность и на спасение. Эта фраза Маллигана могла сильно задеть Стивена именно потому, что он не молился о своей умирающей матери. Глагол «подохнуть» в русском языке употребляется в тех случаях, когда говорят о смерти или гибели животных или когда хотят подчеркнуть, что человек умер не по-человечески, но как животное. Так переводчик, изменив форму высказывания, сохранил вложенный в него смысл.

Итак, Стивен с трудом выносит дерзость и богохульство Маллигана, однако именно это во многом и привлекает его, так как за этими чертами характера Маллигана скрывается смелость, решимость и способность действовать, то, чего не хватает самому Стивену.

После завтрака Маллиган и Гэйнс идут купаться на берег, и Маллиган при этом высмеивает Стивена за то, что тот редко моется, в то время как сам Маллиган получает удовольствие от плавания в холодном море. Маллиган в очередной раз задевает Стивена, назвав его «нечистым бардом» [6].

«Is this the day for your monthly wash, Kinch?» [7, 15].

Дословно: Это день для твоего ежемесячного купания (раз в месяц), Кинч? **Перевод И.К. Романовича:** «Скажи, Кинч, прошел уже месяц с тех пор, как ты мылся?» [8, 289].

В вопросе Маллигана в переводе И.К. Романовича появляется глагол «скажи», которого нет у автора. Это обращение создает неофициальную атмосферу, подчеркивая тем самым, что Маллиган и Стивен близко знают друг друга, в то время как данный вопрос в оригинале носит более нейтральный характер. Неофициальный стиль общения в оригинале проявляется в обращении к Стивену не по имени, а по прозвищу «Кинч», которое придумал сам Маллиган. Это обращение у автора стоит в конце предложения, в переводе же оно занимает место в начале предложения после глагола «скажи». Также переводчик заменяет здесь глагол «is» глаголом в прошедшем времени – «прошел», в результате чего в переводе Маллиган более подчеркнуто удивляется тому факту, что прошел уже месяц, как Стивен не мылся. Маллиган полагает, что Стивен делает это не просто так, что для него это не частный вопрос купания, а в целом – это проявление его «открытой программы интеллектуального бунта». С одной стороны, в этом проявляется отказ Стивена от совместных действий с людьми, с которыми он уже планирует расстаться, т. е. отдать ключи от Башни. С другой стороны, это отказ Стивена от очищения и прощения: окунуться в воду, искупаться может означать очиститься духовно, стать другим, расстаться со злобой к себе и окружающим.

Кроме всего прочего, Маллиган насмешливо называет Стивена «poor dogsbody» [7, 6] – «Бедный песик» [6, 280]. Это словосочетание напоминает известное изречение Джойса о том, что «God», «Бог», – это «dog», «собака», наоборот [12]. «Dogsbody» означает «мальчик на побегушках», «принеси подай»; пренебрежительное – «ишак», «работяга». Отношение Стивена к самому себе как к «служителю слуги» – «server of a servant» – вводит в роман тему Ирландии, которая, в восприятии Джойса, являлась служанкой двух великих держав-тиранов, Англии и Италии (Рима). Это выражение также восходит к одному из титулов Папы – «Servus Servorum Dei», как «Раб Рабов Божьих» или «Прислужник Слуг Господа» [13], в чем также проявляется ирония. Фраза Маллигана «Ah, poor dogsbody» передает его намек на богословское образование Стивена и на его внутреннюю зависимость от церкви: он духовно все еще ее слуга, несмотря на попытки бунта. Перевод И.К. Романовича «Бедный песик» сохраняет прямое значение слова «dog» – «собака». Игра, связанная со словами «God» и «dog», незаметна для русского читателя, однако насмешка Маллигана и его пренебрежение точно передаются с помощью слова «песик», которое представляет собой уменьшительно ласкательную форму существительного «пес». С ним часто используются такие прилагательные как «сторожевой» или «цепной». Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, словосочетания «сторожевой пес» или «верный пес» могут быть использованы как в прямом, так и в переносном смысле, очень часто с презрительным оттенком и со значением «прислужник» [14]. Таким образом, насмешливая фраза Маллигана в переводе И.К. Романовича «бедный песик» тождественна оригиналу – «poor dogsbody».

В течение всего последующего разговора Маллиган продолжает насмехаться над Стивеном: «Ah, poor dogsbody, he said in a kind voice. I must give you a shirt and a few noserags. How are the secondhand breeks?

They fit well enough, Stephen answered.

Buck Mulligan attacked the hollow beneath his underlip.

The mockery of it, he said contentedly, secondleg they should be. *God only knows what poxy bowsy left them off*» [7, 6].

Дословно: А, бедный работяга/мальчик на побегушках, он сказал добрым голосом. Я должен дать тебе рубашку и несколько носовых платков. Как подержанные штаны?

– Они подходят достаточно хорошо, Стивен ответил.

Бак Маллиган атаковал ямочку под нижней губой.

Насмешка в том, он сказал довольно, второй ногой они должны быть. Бог только знает, какой никудышный (человек)/какой дурак оставил их.

И.К. Романович: «Бедный песик, – сказал он ласково, – придется подарить тебе рубашку и несколько платков. А как ты чувствуешь себя в подержанных штанах?

– ***Прекрасно***, – ответил Стефен.

Бак Маллиган перешел к ямочке под нижней губой.

– **Все несчастье в том**, – сказал он довольным тоном, – *что никогда не*

знаешь, кто носил их до тебя» [6, 280] (в настоящее время установилось такое прочтение английского имени «Stephen» как «Стивен», но в переводе 1930-х гг. это «Стефен»).

«The mockery of it» И.К. Романович переводит как фразу «все несчастье в том», которая носит нейтральный, отчасти, даже дружеский характер и не передает заложенной здесь насмешки. Существительное «mockery», кроме значения «несчастье», имеет значения «насмешка», «издевательство», «глумление» и т. д. Но издевательская позиция Маллигана передается содержанием всего абзаца в целом.

Существует очевидная сложность перевода на русский язык некоторых фраз, например, шутки Маллигана о «secondhand breeks» и «secondleg». Слово «secondhand» означает вещь, которая переходит из рук в руки, буквально – вторая рука (второй хозяин). Романович нашел замену этому слову – «подержанные». Но шутку о «secondleg» – о «второй ноге» – воспроизвести невозможно, поскольку она восходит к слову «secondhand», не имеющему соответствующего варианта в русском языке, и его буквальный перевод переводчик упускает и поэтому вообще не переводит предложение «secondleg they should be» (второй ногой они должны быть).

Таким образом, можно утверждать, что все вышеперечисленные примеры действительно свидетельствуют о сложных отношениях между Баком Маллиганом и Стивеном Дедалусом как между Антиноем и Телемахом.

Анализ же этих примеров позволяет говорить о том, что И.К. Романович отдавал предпочтение творческому переводу, что было характерно для всей группы переводчиков И.А. Кашкина. Поэтому, с одной стороны, на русский язык не были переданы все детали и нюансы оригинального текста, но, с другой стороны, именно благодаря творческому подходу к процессу перевода И.К. Романовичу в целом удалось воспроизвести основную проблематику первого эпизода романа Джеймса Джойса «Улисс», восходящего к II главе «Одиссеи» Гомера и определяющегося такими смысловыми доминантами, как теология и наследник.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Selected letters of James Joyce, ed. Richard Ellmann. London : Faber and Faber, 1975. – 440 pp.
2. Fargnoli A. Nicholas, Gillespie Michael Patrick. Critical companion to James Joyce: A literary reference to his life and work / A. Fargnoli. – New York : Infobase Publishing, 2006. – 450 pp.
3. Wilson Edmund. James Joyce // Literary opinion in America. Vol. I. New York, Evanston, 1962. – P. 183-206.
4. Watts Cedric. Introduction // James Joyce. Ulysses, Wordsworth Editions Limited, 2010. – P. V-XLIX.
5. Топер П.М. Перевод художественный // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, Т. 5. 1968 – С. 656-665.
6. Джойс Джеймс. Избранное / Джеймс Джойс. – М. : Радуга, 2000. – 624 с.
7. James Joyce. Ulysses, Wordsworth Editions Limited 2010. – 682 pp.
8. Хоружий С.С. Комментарий / С.С. Хоружий // Джеймс Джойс. Улисс. – СПб. : Азбука-Классика, 2009. – С. 779-984.
9. Злиться. Толковый словарь русского языка Дмитриева / URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1538
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков – М. : ЛадКом, 2011. – 848 с.
11. Злоба / URL: http://tolkslovar.ru/z5979.html
12. James Joyce's Ulysses / URL: http://loki.stockton.edu
13. Раб Рабов Божьих // Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений/URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/5142
14. Пес // Толковый словарь Ожегова/ URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/159030

Ст. преподаватель Томского политехнического университета. Аспирант филологического факультета Томского государственного университета
E-mail: Lana3670@rambler.ru

Tomsk Polytechnic University (readership)
Post-graduate of philological faculty of Tomsk State University
E-mail: Lana3670@rambler.ru